

историей человечества, так и с настоящим порядком вещей и, конечно, много и глубоко думали обо всех проявлениях человеческого духа; поэтому будущий ход истории для Вас гораздо яснее, яснее также и то, какие результаты произведет какой-либо фактор, входя в состав сил, направляющих ход индивидуальной и общественной жизни.

Спрашивается теперь: каким образом узнаю я Ваш взгляд? Просить Вас ответить мне я не могу, п(отому) ч(то) Ваше время слишком занято, и всякую лишнюю минуту Вам важнее посвятить разговору с целой Россией, нежели с отдельным человеком. Может быть Вы найдете удобным посвятить разбору вопроса полстранички Вашего дневника, сделав вопрос общеинтересным? Может быть Вам уже приходилось высказываться по этому поводу где-нибудь? Тогда, будьте добры, укажите. Я, надо сознаться, плохо слежу за текущей литературой. В Петерб(урге) не имеешь времени, а здесь теперь нет возможности, п(отому) ч(то) Крапивна наша совсем не выписывает периодических изданий, даже газет трудно найти. Поэтому, в простоте сердечной, быть может начинаешь толковать о вещах, давно уже сложенных в архив. Мой адрес на случай: Крапивна (Тульск(ой) губ(ернии)) Александре Гавриловне Архангельской.

Вам так много приходится встречать постоянно людей, что я не могу надеяться, чтобы Вы ясно помнили меня и нашу встречу. Я та студентка, которая приходила к Вам по поручению Злобиной² утром на маслянице.*

На конверте:

Его Высокоблагородию,
Федору Михайловичу
г. Достоевскому
Греческий проспект, против
Греческой церкви, дом № 6
В С.-Петербурге

На обороте конверта рукой Достоевского: «Крапивна».

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, 29 640.

Почтовые штампы на обороте конверта: «28 марта Петербург 1877», «24 марта Крапивна 1877».

Александра Гавриловна Архангельская — курсистка. В феврале 1877 г. «за пропаганду» была выслана в Тульскую губ. под надзор полиции (см.: Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 1. А—Е/Сост. А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. Стб. 58; в Словаре местом ссылки ошибочно указана Костромская губ.). Письмо это типично для определенной группы читателей «Дневника писателя», в основном женщин, обращавшихся к Достоевскому за решением жизненных вопросов. Возможно, что это письмо в определенной мере повлияло на размышления писателя, отраженные в «Сне смешного человека», опубликованном в апрельском номере «Дневника писателя» за 1877 г.

¹ Когда состоялась эта встреча, неизвестно.
² Неустановленное лицо.

* Последний абзац приписан на полях.

КРУГ ЗНАКОМЫХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СЕМИПАЛАТИНСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ

Семипалатинский период продолжает оставаться наименее изученным в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского, несмотря на возросший интерес исследователей к нему в последнее время.

Он охватывает время с марта 1854 г. по июнь 1859 г. Это период ссылки писателя, когда он после четырехлетнего заключения в Омском остроге был направлен в Семипалатинск солдатом штрафной роты 7-го Сибирского линейного батальона.

Годы после выхода из каторги были наполнены размышлениями о судьбе России и своей собственной; из писем Достоевского видно, как много пережито и передумано за пять семипалатинских лет. Значение этих лет предопределялось еще в письме, адресованном Н. Д. Фонвизиной: «Я в каком-то ожидании чего-то, я как будто все еще болел теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скором времени должно случиться что-нибудь решительное. Что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то и что будет что-нибудь, может быть тихое и ясное, может быть грозное, но во всяком случае неизбежное» (28₁, 177).

Прежде всего надежды на возвращение к настоящей жизни у Достоевского означали — вернуться к литературе.

В течение нескольких лет нами изучаются вопросы семипалатинского периода Ф. М. Достоевского, которые связаны с его духовными исканиями и творческими замыслами, кругом его литературных чтений и его знакомыми в Семипалатинске.

В основу данной работы легли материалы архивов Астрахани, Барнаула, Омска и Томска, связанные с его семипалатинским окружением. «Здесь уже начало киргизской степи, — делился Ф. М. Достоевский своими наблюдениями с братом. — Город довольно большой и людный (. . .) Степь открытая. Растительности решительно никакой, ни дерева — чистая степь (. . .) Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того» (28₁, 178). Поначалу город понравился Ф. М. Достоевскому. Лежащий на границе Западной Сибири и «Киргизской степи» Семипалатинск был крупным торговым центром. Сюда стекались десятки караванов из Средней Азии и Китая. В год приезда писателя город стал областным. Член областного правления Н. А. Абрамов назвал его «одним из важнейших пунктов нашей торговли с Средней Азией». Городу был дан герб: на лазоревом фоне щита золотой навьюченный верблюд, а над ним серебряная луна и пятиугольная звезда. Щит увенчан золотой городской короной. Общение с Востоком наложило своеобразный и очень сильный отпечаток на внешний облик и весь уклад жизни: Семипалатинск поражал причудливым сочетанием элементов европейской и азиатской культур. Благодаря своему счастливому местоположению город рос, обстраивался, а для удобства торговли русских купцов с «азиатцами» были устроены меновые

дворы. На эту сторону жизни обратил внимание и Ф. М. Достоевский, сообщив в письме, что «здесь порядочно торгуют». Отчет по Семипалатинской области, сделанный в 1860 г. начальником хозяйственного отдела областного правления, действительным членом ИРГО, Н. А. Абрамовым, дает полное представление о Семипалатинске середины XIX в.: «Город лежит на правом берегу реки Иртыш (...) Жителей 5 тысяч человек (...) Семипалатинск по расположению своему состоит из 4 частей. С западной стороны лежит станица 8 полка Сибирского линейного казачьего войска. От нее далее к востоку, через площадь, крепость, потом, также через площадь, — главная часть или точнее весь русский город, и наконец в связи с ним — Татарско-Ташкентская часть...»¹ Об этом времени вспоминал в своих мемуарах и близкий знакомый по Семипалатинску Достоевского, барон А. Е. Врангель. Правда, он называл Семипалатинск «полу-городом, полу-деревней» одновременно, жалуясь на скуку и бесцветность городского общества. Он вспоминал, что в городе, кроме двух-трех артиллеристов офицеров, двух адъютантов, не более двух человек чиновников, не с кем было поговорить. Круг знакомств Достоевского был значительно шире. Он насчитывает 85 лиц. Среди них были офицеры, чиновники, ссыльные поляки, люди «из простых». Врангель это пытается объяснить большой снисходительностью Достоевского к людям: «Он находил извинение самым худшим сторонам человека, все объяснял недостатками воспитания, влиянием среды, в которой росли и живут, а часто даже натурой и темпераментом».² Но, вероятно, это можно объяснить не только снисходительностью писателя, сказались и большая профессиональная заинтересованность разными человеческими натурами. И эти наблюдения потом отразятся в его творчестве.

Быт провинциального города бывает очень часто замкнут в очень узкие рамки городских событий. Описывая жизнь города, Врангель вспоминал: «Мужчины ели, пили, играли в карты, скандалили и ездили по гостям к богатым татарам. Женщины сплетничали».³ Все это, конечно, вызывало у Достоевского неприязнь, а подчас и смех. Он писал Ч. Валиханову: «Хотелось-бы Вам написать кое-что о Семипалатинске, есть вещи смешные» (28₁, 250). Может быть, это одна из причин, заставивших его обратиться к комедийному жанру в семипалатинских произведениях. «Я шутя начал комедию и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц (...) Короче, я пишу комический роман...» (28₁, 209). Осколок этого замысла — повесть «Дядюшкин сон». Общество города Мордасова занято сплетнями и интригами, каждый старается оклеветать другого. Мордасовцы далеки от происходящих в мире событий. Только однажды на страницах повести вспоминается война, когда

¹ Абрамов Н. А. Областной город Семипалатинск // Записки РГО. Кн. 1. О. 2. 1861. С. 120.

² Врангель А. Е. Воспоминания о жизни Достоевского в Сибири. СПб., 1912. С. 12.

³ Там же. С. 28.

речь заходит о благотворительном спектакле в пользу раненых. Семипалатинцев мало интересовала жизнь за пределами города. О духовной жизни их можно судить по тому, что в городе только 15 человек получали газеты и журналы. В своих последних письмах из Семипалатинска Достоевский тоже жалуется на «провинциальное отупение». Даже внешнее описание Мордасова напоминает Семипалатинск. В городе есть и Большая улица, где расположены дома губернатора и состоятельных горожан. Описание в повести слободы с маленькими домиками, с ужасающим количеством собак соответствует Казачьей слободе. В ней находилась первая квартира Достоевского, очень похожая на жилище героя повести — Васи. Достоевский в «Дядюшкином сне» точно воспроизводит эту маленькую комнатку, низкую, темную, где огромная печь занимала половину пространства. Отмечая исключительную способность Марьи Александровны Москалевой принимать гостей, автор упоминает, что она вела переписку с «одним немецким ученым, нарочно приезжавшим из Карлсруэ исследовать особенный род червячка с рожками, который водится в нашей губернии» (2, 297). Известно, что в 1830-х годах в Семипалатинск приезжал известный немецкий ученый естествоиспытатель А. Гумбольдт, а вернувшись из экспедиции, он привез большую зоологическую коллекцию. Как и семипалатинский губернатор Спиридонов, мордасовский — не только холост, но и носит его имя — Петр Михайлович, и такой же хлебосол и авторитет среди жителей. Многие семипалатинские знакомые стали, очевидно, участниками предложенной Достоевским комедии. Судья Пешехонов Петр Михайлович, с которым коротко был знаком Достоевский, человек гостеприимный, но заядлый картежник и любитель выпить. Жена его, Анна Николаевна, большая кокетка и сплетница (именно через нее поползли по Семипалатинску слухи о замужестве Исаевой в Кузнецке). Муж «злейшего врага» Марьи Александровны, Анны Николаевны, тоже служит по прокурорской части, «козыряет в карты до пяти часов утра». Писатель ставит также главного героя повести князя К. в ситуации, подобные тем, что он пережил сам. В одном из писем к Врангелю Достоевский описывает свое посещение в Барнауле семейства начальника Алтайского горного округа А. Р. Гернгросса. Он вспоминает забавный случай на обеде: «За столом я сделал маленькую неловкость. Сын их мальчик лет 8 мне очень понравился, он ужасно похож на мать. Я сказал (...) она возразила. Представьте же себе этого мальчика (...) они считают в семействе чуть не уродом! Хорош мой комплимент!» (28₁, 252). В повести князь К. тоже делает неловкий комплимент Москалевой, приняв за ее сына мальчика-слугу. В повести упоминается и поездка, предполагаемая, князя к монахам в Светозерскую пустынь, которая находится неподалеку от Мордасова. На территории Семипалатинской области, ближе к Алтаю, издавна селились, надеясь найти успокоение, пришедшие монахи из России. Они называли эти места «пустынями», надеялись обрести спасение, предполагали близость к этим местам фантастического «Беловодья», земногорая.

В семипалатинские годы Достоевский особенно сближается с семьей Исаевых. Знакомство с ними произошло весной 1854 г., вскоре после приезда Достоевского в Семипалатинск. «Бог послал мне знакомство одного семейства, которое я никогда не забуду. Это семейство Исаевых. Он имел место, очень недурное, но не ужился в нем и по неприятности вышел в отставку. Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и все хлопотал о другом каком-нибудь месте. Жил он жалованьем, состояния не имел, и потому, лишась места, мало-помалу они впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ними, они еще кое-как себя поддерживали. Он наделал долгов. Он жил беспорядочно, да и натура у него была беспорядочная. Страстная, упрямая, несколько загрубелая. А между прочим это была натура сильно развитая, добрейшая. . . Он был образован, он был несмотря на множество грязи чрезвычайно благороден. . .» (28₁, 201).

До недавнего времени эти письма, сведения в воспоминаниях А. Е. Врангеля, П. П. Семенова-Тян-Шанского были единственными источниками сведений об этом человеке. Материалы Астраханского архива помогли полнее восстановить его облик.

Александр Иванович Исаев родился в 1822 г. в Петрозаводске Олонецкой губернии, в семье дворянина. Неизвестно, с чем был связан его переезд в Астрахань, но из документов видно, что он в 1830-х годах жил в Астрахани один, а в 1838 г. окончил неполный курс астраханской гимназии.⁴

Преподавательский состав тогдашней астраханской гимназии отличался хорошей профессиональной подготовленностью. Директор М. С. Рыбушкин — автор известного исторического очерка об Астрахани и записок о крае; математики А. М. Петровский и Л. Г. Зарецкий, публиковавшие свои работы в ученых записках Петербургского и Казанского университетов. После выхода из гимназии Исаева определяют на военную службу и отправляют на Кавказ. Мы можем предположить, что к этому времени относится его знакомство с капитаном И. В. Ждан-Пушкиным, так как места их кавказской службы совпадают.⁵ Позднее, в 1840-х годах, Ждан-Пушкин будет служить в должности инспектора Омского кадетского корпуса. Об их встречах в Омске будет писать Достоевский: «Покойный А. И. Исаев, часто, с величайшим уважением говаривал мне о Вас. Он знал Вас лично, не знаю помните ли Вы его?» (28₁, 282). После службы на Кавказе Исаева переводят в Симбирск, а затем снова — в Астрахань в должность адъютанта Отдельной роты Астраханского карантина. С этого момента его служба связана с таможенными учреждениями: чиновник особых поручений при Комитете по перевозкам казенного провианта, чиновник особых поручений начальника Астраханского таможенного округа. Служба проходила у него успешно, что отмечалось в формулярных списках.⁶

⁴ Гос. архив Астраханской области (далее: ГААО), ф. 679, о. 1, д. 430.

⁵ ГААО, ф. 681, о. 1, д. 2403.

⁶ ГААО, ф. 679, о. 1, д. 430.

Первые годы службы в Астрахани проходили под началом директора Карантинного дома Д. С. Константа. Да и в последующие годы Исаев служил рядом, потому что таможенные заведения находились не в самом городе, а неподалеку, возле Бирючей Косы. Карантинные дома и таможенные учреждения строились вдали от поселений. Поэтому у чиновников этого ведомства был свой узкий круг. И так получилось, что в 1846 г. А. И. Исаев женится на старшей дочери Константа — Марии. (Не правда ли, развитие биографии Исаева напоминает судьбу героя Достоевского — Мити Карамазова? А натура — «беспорядочная, страстная, загрубелая, благородная». Только в романе женитьбы на Катерине Ивановне не происходит). 10 ноября 1847 г. в семье Исаевых родился сын Павел. Александр Иванович, судя по документам, в эти годы преуспевающий чиновник. Таможенные астраханские заведения относились к первой категории, Астрахань являлась важным портом, соединяющим русские и заграничные торговые пункты. В феврале 1851 г. Исаева направляют чиновником особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа. Для Исаева это назначение было, вероятно, неожиданным, так как из документов видно, что в Сибирь должен был ехать коллежский ассессор Расов. Но это был человек преклонных лет, к тому же накануне отъезда он неожиданно тяжело заболел.⁷

Сначала Исаевы живут в Петропавловске, а затем переезжают в Семипалатинск, где разместились квартира начальника округа. Очевидно, это было связано с тем, что город издавна считался удобным местом торговли со Средней Азией и Китаем. Назначение Исаева происходило в очень серьезный момент для экономики России.

К середине XIX в. Министерство иностранных дел предложило открыть в китайских владениях российские фактории. В июле 1851 г. был заключен договор между российским и китайским правительством об открытии в Кульдже и Чугучаке факторий для торговли русских и китайских купцов «на определенных условиях». Они диктовались появлением на рынке самородного золота, которое, конечно же, влияло на обмен товара и очень отрицательно на экономику. Китайские купцы меняли свой товар только на золото, причем отдавая предпочтение этому металлу не в отчеканенной монете, а в порошках или слитках. Следует заметить, что на территории Семипалатинской области и Алтае велись разработки по его добыче не только императорским кабинетом, но и частными лицами. И это золото в основном беспрепятственно уходило затем за границу. Правительство издало указ, запрещающий вывозить «наряду с оружием, опиумом, золотом и серебром в любом виде». Об этом времени Н. А. Абрамов писал: «Для пропуска с очищением пошлиною иностранных товаров, следующих в Россию из китайских городов Кульджи и Чугучака, а также среднеазиатских владений Ташкента, Кокана и других, а равно и русских товаров туда

⁷ ГААО, ф. 681, о. 1, д. 2403.

следующих, — существует в Семипалатинске Пограничная таможня».⁸

В обязанности чиновника Исаева входило: расследование дел о пропавших товарах, наблюдение за действиями надзирателей и таможенных застав, а также — ремонт таможенных зданий. В этой должности Исаев прослужил 3 года. В 1853 г. отношения Исаева и начальника округа Армстронга ухудшились. У Исаева неизвестно по каким причинам стали удерживать жалование.⁹ Пока не установлена причина, по которой его отправили в отставку. Но известно, что Достоевский очень резко отзывался об Армстронге. А. Е. Врангель вспоминал: «Гордый, надутый немец. Он выступал, как павлин, любуясь собой, ни на одну минуту не забывая своего высокого положения, ни у кого никогда не бывал, всех и вся ругал и презирал (. . .) Достоевский его ненавидел, острил на его счет и иначе не называл, как „благородный Армстронг“».¹⁰

Через год после знакомства с Достоевским Исаев получил новое назначение. В мае 1855 г. его направили чиновником по корчемной части в Кузнецк, о чем писал и Достоевский: «Наконец, ему выпало место в Кузнецке Томской губернии заседателем по корчемной части (. . .) переход от богатой и видной должности к заседательству был унижен» (28₁, 100). Два месяца прожил Исаев в Кузнецке, 4 августа 1855 г. он умер. После его смерти Достоевский писал Врангелю: «Может быть, я только один из здешних и умел ценить его. Если были в нем недостатки, наполовину виновата в них его черная судьба. Желал бы я видеть, у кого хватило бы терпения при таких неудачах? Зато сколько доброты, сколько истинного благородства» (28₁, 190). Единственным наследством после Исаева его семье, очевидно, осталась его библиотека. В ней, судя по упоминаниям в письмах Достоевского, а также по списку ее из документов Исаева, были исторические труды, произведения Пушкина, Гоголя, Жуковского, Карамзина, Шиллера, Байрона, Шекспира и других авторов.¹¹

Жена Исаева — Мария Дмитриевна — займет особое место в жизни Ф. М. Достоевского. К ней возникнет у писателя глубокое и сложное чувство, она станет его женой в 1857 г. Живые свидетели его отношения к ней — письма писателя. «Это дама еще молодая, 28 лет (. . .) очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем» (28₁, 201). Умная, с сильным характером, образованная, впечатлительная, она резко выделялась на обывательском фоне Семипалатинска. «Была эта женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова и чиста и наивна была притом как ребенок», — писал о ней Достоевский (28₁, 201).

⁸ *Абрамов Н. А.* Областной город Семипалатинск. С. 125.

⁹ ГААО, ф. 13, о. 3, л. 1-а.

¹⁰ *Врангель А. Е.* Воспоминания о жизни Достоевского в Сибири. С. 27.

¹¹ ГААО, ф. 679, о. 1, д. 441.

О ней, как о незаурядной женщине, будут вспоминать П. П. Семенов-Тянь-Шанский и А. Е. Врангель. М. Д. Исаева оставила на всю жизнь след в душе писателя и в его творчестве. 7 лет они прожили вместе. Мария Дмитриевна уже в семипалатинские годы была тяжело больна и, конечно, не могла дать Достоевскому полного семейного счастья. Она была добра, бескорытна, но непрактична, не умела приспосабливаться к жизненным обстоятельствам. Через год после ее смерти Достоевский написал Врангелю: «Когда она умерла — я хоть и мучился, видя, как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землей» (28₂, 116).

В Астраханском архиве хранятся документы, касающиеся ее семьи. Дмитрий Степанович Констант — сын французского эмигранта, дворянина, капитана королевской дворцовой гвардии. После приезда в Россию Степан (Стефан?) Констант поселился в Екатеринославле. Здесь его сын Дмитрий окончил с отличием гимназию и поступил на службу в Дворянское собрание, а в 1820 г. его определили на службу переводчиком французского языка в штаб генерала И. И. Инзова (в этом же году на короткое время в этом же штабе, тоже в должности переводчика, находился ссыльный А. С. Пушкин). В 1821 г. Константа направляют на службу в Таганрог в Строительный комитет. В этом же году он женится. Его жена была из дворянской семьи, очень состоятельной, звали ее Софья Александровна. В семье Константов было 7 детей: 4 дочери и 3 сына. Первым родился сын Степан, а через 2 года — 11 сентября 1824 г. — дочь Мария.¹² С 1832 г. и до конца жизни служба Д. С. Константа была связана с таможенными. Подробные формулярные списки характеризуют его как человека честного и исполнительного. Приведем такой пример. В 1823 г., только вступив в должность Ростовского казначея, он неосмотрительно передал поверенному содержателю станции 8 тысяч рублей серебром, «о коих он, открыв ошибку, донес начальству», за это по приказу был удален с должности.¹³ Но департамент государственного казначейства, «усмотрев в обстоятельстве дела сего, что передача денег не подлежит сомнению, предписал Казенной палате снять с должности содержателя станции, оставив Константа без всяких взысканий».¹⁴ Это — единственное недоразумение по службе Константа, его карьера успешно продвигалась, он награждался чинами, орденами, а в 1863 г. вышел в отставку в чине действительного статского советника.¹⁵ Дмитрий Степанович был не только исправным чиновником, но и заботливым, любящим отцом. Старшая дочь Мария воспитывалась в Таганрогском пансионе, который окончила с похвальным листом. Старший сын Степан воспитывался в Петербурге,

¹² ГААО, ф. 460, о. 1, д. 454, 485.

¹³ ГААО, ф. 460, о. 1, д. 766.

¹⁴ ГААО, ф. 460, о. 1, д. 766.

¹⁵ ГААО, ф. 460, о. 1, д. 4146.

в пансион при Институте корпуса путей сообщений. Константин хотел поместить в Петербург в институт благородных девиц свою дочь Варвару, но в 1838 г. умирает жена. Семья уезжает в Астрахань, где Константин получает должность директора Карантинного дома. Константин очень заботился об образовании своих детей. Не только сыновья получили хорошее образование и были определены в гвардию, лейб-гвардии казачий полк, но и три дочери окончили успешно Астраханский институт благородных девиц. В 1841 г. «Астраханские губернские ведомости» (№ 29, 19 июля) сообщили об успехах сестер Константин, которые «на выпуске удивили всех игрой на фортепиано под аккомпанемент оркестра и чтением стихов на французском и русском языках». Отца, отдававшего много тепла и любви своим детям, очень любили и дочери, и сыновья. Об этом вспоминал в одном из писем Ф. М. Достоевский: «О Дмитрие Степановиче я слышал так много от жены моей, которая его обожает, что невольно научился его любить и уважать» (28₁, 294). Семья Константин была окружена интересными людьми, среди которых можно назвать купца П. А. Сапожникова, владельца прекрасной коллекции картин (она стала основой картинной галереи в Астрахани). Его сын служил у Константа, и семьи встречались. Дружны они были и с директором гимназии Михаилом Самсоновичем Рыбушкиным. В 1856 г. проездом в Астрахани побывал французский писатель А. Дюма, который также побывал у Константов.¹⁶ Поразительно то, что после смерти отца судьба всех дочерей, не только старшей Марии, была драматична. А образ Марии Дмитриевны преломится в характерах многих героинь Достоевского. Достаточно вспомнить Катерину Ивановну («Преступление и наказание»), ее рассказы о доме отца, о жизни в городе Т., где она танцевала на выпуске из пансиона «с шалью», и ее трагическую судьбу. Наташа в «Униженных и оскорбленных», Катерина Ивановна — в «Братьях Карамазовых». Наконец, Настасья Филипповна — в романе «Идиот», где возникает трагический «любовный треугольник»: князь Мышкин — Рогожин — Настасья Филипповна. Подобная ситуация возникала и в Кузнецке 6 февраля 1857 г. в Одигитриевской церкви, когда Достоевский венчался с Исасвой и главным свидетелем с его стороны выступил Н. Б. Вергунов, искавший руки Марии Дмитриевны. Это имя не раз возникало в переписке Достоевского и Врангеля. «Марии Д. нравился молодой учитель Вергунов, товарищ ее покойного мужа, личность, как говорили, совершенно бесцветная», — писал Врангель.¹⁷ Достоевский, встретившись с ним в Кузнецке, писал Врангелю о Вергунове, как о юноше, «ничего не выдавшем, ничего не знающем, чуть-чуть образованном, начинающем первую мысль своей жизни», да к тому же принимающем себя за личность (28₁, 235). В Томском архиве находятся документы, дополняющие сведения уже известные об этом кузнецком учителе. Вергунов родился в 1832 г. в Томске, в

¹⁶ ГААО, ф. 679, о. 1, д. 3923.

¹⁷ Врангель А. Е. Воспоминания о жизни Достоевского в Сибири. С. 133.

купеческой семье, окончил 4 класса гимназии и, выдержав экзамен на чин учителя приходской школы, был определен в 1854 г. в Кузнецк.¹⁸ В письмах, упоминая о свадебных хлопотах, Достоевский с раздражением пишет, что «в этом городишке интригуют». Действительно, некоторые кузнецкие обыватели сочувствовали Вергунову, у которого был неуживчивый, вспыльчивый, несчастный характер. Его толкали к определенным дальнейшим действиям. В 1856 г., узнав о предстоящем замужестве М. Д. Исасовой, Вергунов подает прошение о переводе его в Томск. А 24 февраля 1857 г. бывший кузнецкий учитель А. Калмаков пишет тоже прошение на имя директора училищ Ф. С. Мешерина. Он сообщает, что в семипалатинском приходском училище открылась вакансия учителя, и, сетуя на невозможность поехать туда по болезни, просит поместить его на должность учителя в Кузнецке, а учителя Вергунова отправить в Семипалатинск: «Г. Вергунова, который ведет себя ныне серьезно и благородно, переместить в Семипалатинск (...) Г. Вергунову, как говорится, ехать и ехать туда».¹⁹ С июня начинается переписка о переводе Вергунова, и в августе 1857 г. он уезжает в Семипалатинск. После отъезда Достоевских из Семипалатинска он продолжает служить в приходской школе. Но из-за своего скандального характера Вергунов вступил в конфликт со смотрителем училищ И. Делаткевичем, в ноябре 1863 г. смотритель подал рапорт, где писал о небрежном отношении Вергунова к своим обязанностям, о его крайней вспыльчивости. В свою очередь, Вергунов пишет объяснительную записку, в которой протестует против бестактного обращения с ним смотрителя Делаткевича. Делаткевич писал, что Вергунов «во время уроков может пойти на охоту, оставив учеников», а также «небрежно содержит библиотеку училища». Вергунов в ответ на эти замечания ведет себя дерзко, заявляет, что Делаткевич «не имеет права делать ему замечания и давать полезные советы». В результате в декабре 1863 г. Вергунова уволили с должности, а затем отправили в Барнаул, где определили на должность учителя русского языка в пансион сестер Шнейдер, там он женился и прожил до 1869 г. Рекомендательные письма и другие документы свидетельствуют, что Вергунов остепенился: «...как видно из представленных ежегодных отчетов (...) он приобрел хорошую педагогическую опытность...».²⁰ В 1869 г. он возвращается в Семипалатинск, служит учителем русского языка в уездном училище, в документах отмечается, что «учитель Вергунов способностей хороших и по службе усерден, поведения хорошего, умсет обходиться с детьми».²¹ В 1883 г. он вышел в отставку. (В Семипалатинске еще живы потомки Вергунова).

Среди адресатов Ф. М. Достоевского есть неустановленные лица. Так, в 1856 г. писатель адресует 2 письма: Сусанне и Марии Ивановне. Мы считаем, что первая — жена семипалатинского горо-

¹⁸ Госархив Томской области (далее: ГАО), ф. 99, о. 1, д. 232.

¹⁹ ГАО, ф. 99, о. 1, д. 232.

²⁰ ГАО, ф. 125, о. 1, д. 121; о. 2, д. 253.

²¹ ГАО, ф. 125, о. 2, д. 253.

договора врача Адама Ивановича Шмейсера, а вторая — его сестра. Шмейсер — уроженец Москвы, окончил Военно-медицинскую академию, приехав в конце 1846 г. в Семипалатинск, прослужил здесь до 1855 г. Он лечил Ф. М. Достоевского, в 1855 г. открыл в городе аптеку, но по состоянию здоровья в этом же году выходит в отставку и уезжает с семьей в Москву. Из его формулярного списка известно, что его жену зовут Сусанна Карловна, дочь — Софья, при нем живет и его сестра Мария.²²

В т. 86 «Литературного наследства» в разделе «Достоевский в неизданной переписке современников» на странице 376 — письмо М. М. Достоевского неустановленному лицу. Мы можем предположить, что это лицо — действительный член РГО Степан Иванович Гуляев. В Барнауле, в архиве хранится фонд семьи Гуляевых, отца и сына. Отец, Степан Иванович Гуляев, после окончания Петербургского горного института был направлен на рудники императорского кабинета на Алтай, был на должности управляющего отделом частных золотых промыслов Алтайского горного правления. По работе он часто общался с семипалатинским знакомым Достоевского Н. Н. Ковригиным, с Гернгроссом и другими представителями «горного общества». Кроме своей службы, он был известным собирателем фольклора, членом многих научных обществ. На Локтевском заводе служил его старший брат Василий Степанович. Возможно, Ф. М. Достоевский встречался с Гуляевыми, приезжая на Алтай. Среди документов, в реестре писем, в течение 1860—1864 гг. 5 раз повторяется имя Достоевских, значит, им было отправлено 5 писем, а от него получено 4. По долгу службы Гуляев часто бывал в Петербурге, где встречался не только с чиновниками по служебным делам, но и с приятными ему знакомыми и друзьями.²³ Среди них (об этом он пишет в письмах к родным в Барнаул) можно назвать А. Н. Майкова, А. П. Милюкова, П. П. Семенова-Тян-Шанского, И. Н. Гейзера, В. В. Радлова и Достоевских, особенно семью Михаила Михайловича. В письме от 12 марта 1864 г. он пишет, что в воскресенье «обедали у Достоевских. . .»; 21 февраля 1864 г.: «О копиях я еще не говорил с Достоевскими, Машенька захворала (. . .) и потому я не был у них две недели».²⁴ Возможно, что Гуляева связывали с Достоевскими журнальные дела. В нескольких номерах были опубликованы произведения, подписанные Н. Гуляевым. У Степана Ивановича было два сына Николая — старшему в 1860 г. исполнилось 20 лет, а младшему — 10. Возможно, рассказы были написаны старшим, хотя большими способностями он не отличался. Талантлив был младший Николай, которого отец постоянно брал с собой в Петербург. Николай в письме к сестре сообщает о встречах со «знаменитостями», от которых у него карточки: Майков, Достоевский. В январе 1864 г., сообщая о трагедии в семье А. П. Милюкова, связанной со смертью, очевидно, жены А. П. Милюкова:

²² ГАТО, ф. 3, о. 4, д. 151.

²³ Гос. архив Алтайского края (далее: ГААК), ф. 163, о. 1, д. 2.

²⁴ ГААК, ф. 163, о. 1, д. 14.

«...23 января получил записку от А. Петровича, что она скончалась в 12 часов ночи. Меня крайне огорчило это событие (. . .) Я был на похоронах 26 числа с Достоевскими (. . .) Поплакали, потеряв еще одну особу, столько лет знакомую и почти родную».²⁵

В одном из писем С. И. Гуляев также упоминает семью М. М. Достоевского: «На днях был с Колей у Милюковых, дети его очень полюбили, просили приходить к ним чаще, Сонечка стала премолю девицею, Миша Достоевский тоже».²⁶ Из этих писем следует, что С. И. Гуляев и его семья были дружны с Милюковыми, а так как у редактора журнала «Светоч» А. П. Милюкова собирались не только сотрудники журнала (с которыми также был знаком Гуляев, судя по его письмам), но многие другие литераторы, общественные деятели, среди них бывал и Ф. М. Достоевский. С С. И. Гуляевым часто бывал и его младший сын Николай. Впоследствии он станет известным археологом, этнографом, тюркологом. Среди людей, близких ему, были и знакомые Ф. М. Достоевского — П. Семенов-Тян-Шанский, С. Максимов, Г. Потанин, Н. Ядринцев, В. Радлов. Интересно то, что в своих археологических исследованиях Н. С. Гуляев особое внимание уделял чуждым захоронениям. Известно, что и Ф. М. Достоевский во время жизни в Семипалатинске также интересовался этими курганами и собрал целую коллекцию чуждых вещей. Возможно, это было связано с темой «России и Азии», взаимоотношений и связей исторических Древней Руси и Степи. Исследователи Радлов, Семенов-Тян-Шанский, Гуляев пришли к выводам, что, возможно, племя «чудь» было прародительницей многих народов, населявших позднее территорию Европы и Азии. И общей прародиной их является пространство между Уралом и Алтаем. Может быть, это одно из направлений исследования вопроса: почему так интересовала проблема России Азию.

Среди знакомых Достоевского в семипалатинские годы были и представители купечества, которые в городе составляли большую часть населения. Семипалатинские купцы жили как могли, как считали единственно достойным. Конечно, дикости и безобразий было достаточно. Но среди них были и толковые, деловые люди. Их трудом и умом продвигались на азиатский рынок русские сукна и ситцы, изделия из чугуна. Знакомый Достоевского купец Букаш Аупаев оказал русскому правительству огромную услугу, снарядив в Кашгар караван, с которым отправился Ч. Валиханов. Встретился Достоевский и с купцом Сидором Ивановичем Самсоновым, который в 1845 г. снарядил знаменитый караван в Чугучак и Кульджу, где были построены русские фактории. С этим караваном отправился будущий директор азиатского департамента Министерства иностранных дел Н. И. Любимов. Правой рукой у Самсонова был брат С. И. Гуляева — Михаил Иванович Гуляев. По словам Гуляева, «Михаил ездил в Кокан и Ташкент в качестве караван-баши, хорошо знал сартовские и киргизские языки, обычаи и нравы

²⁵ ГААК, ф. 163, о. 1, д. 40.

²⁶ ГААК, ф. 163, о. 1, д. 40.

азиатов, от которых отличался только северорусским типом, белыми волосами и голубыми глазами». ²⁷ После смерти Самсонова по его завещанию он получил капитал, составлявший десять тысяч. Тогда же он уезжает в Ташкент и основывает там свою торговлю.

Но особенно хорошо знаком был Достоевскому купец Федор Степанович Степанов. Во-первых, у него квартировал А. Е. Врангель, во-вторых, Достоевский давал уроки математики 12-летней племяннице купца Марине. Да, вероятно, Достоевскому было и просто приятно встречаться с этим человеком. Отец его, русский купец Степан Степанов, много сделал для налаживания торговых отношений России и Востока, мать — казашка. Он закончил томскую гимназию с отличием, считался одним из образованных купцов Семипалатинска. С 1854 г. Степанов 16 лет был почетным блюстителем семипалатинских училищ. Ежегодно на нужды учебных заведений он выделял 300 рублей серебром, на его средства ежегодно проводился ремонт учебных зданий, а в 1858 г. он выделил деньги на строительство нового каменного здания училища. Благодаря его стараниям в семипалатинских училищах были лучшие библиотеки среди всех учебных заведений Томской губернии. ²⁸

Так в результате исследований, проведенных в архивах Томска, Барнаула, Омска и Астрахани, удалось найти дополнительные сведения о семипалатинском окружении Ф. М. Достоевского. Все эти материалы дают возможность не только лучше узнать семипалатинский период жизни писателя, но и понять полнее его творчество.

²⁷ ГААК, ф. 163, о. 1, д. 2.

²⁸ ГАТО, ф. 125, о. 2, д. 106.

Б. В. ФЕДОРЕНКО

К ИСТОРИИ ГАЗЕТЫ-ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН»

1

Во вступительной заметке к примечаниям XXI т. ПСС Ф. М. Достоевского историю «газеты-журнала политики и литературы» «Гражданин» открывают слова: «основан в январе 1872 г. князем В. П. Мещерским» (21, 360). Далее вперемежку приводятся сведения, взятые из воспоминаний Мещерского, автобиографических записей Г. К. Градовского, рабочей тетради Достоевского, писем А. Н. Майкова, архивных материалов, опубликованных в 1921 г.

В заметке подчеркивается, что Мещерский ясно представлял себе все сложности осуществления задуманного на деле. «... программа издателя и его имя не могли обеспечить изданию особой популярности. Поэтому в качестве первого редактора „Гражданина“

он пригласил в 1872 г. либерального публициста Г. К. Градовского» (21, 360).

Что же касается участия в журнале Достоевского, то вопрос о его редакторстве «решился 15 декабря 1872 г.» (21, 361). На следующий же день Мещерский, Градовский и Достоевский «обратились в Главное управление по делам печати с совместным заявлением, датированным 15 декабря, в котором просили утвердить Достоевского ответственным редактором „Гражданина“ взамен Градовского» (21, 361).

Не откладывая, следовало также определить отношение к этому III Отделению. «Несмотря на то, что политические убеждения Достоевского после „Бессов“ не должны были, казалось бы, вызывать тревоги у властей, он продолжал находиться под негласным надзором полиции...» Поэтому III Отделение, куда 16 декабря 1872 г. обратился В. П. Мещерский за разрешением передать редактуру Достоевскому, ответило, что оно „не принимает на себя ответственности за будущую деятельность этого лица в звании редактора“ (21, 361—362). 20 декабря 1872 г. Главное управление по делам печати уведомило Петербургский цензурный комитет, «что по ходатайству Мещерского Достоевский утвержден ответственным редактором „Гражданина“» (21, 362). «Свидетельство об этом Достоевский получил 31 декабря» (21, 362).

Редактор всякого издания всегда и во всех случаях лицо ответственное, и Достоевский в своей «подписке» от 15 декабря 1872 г. указывает на обязательства «в качестве ответственного редактора». ¹ Однако во всех канцелярских бумагах его называют «редактором» «Гражданина». «Свидетельства» об утверждении «ответственным редактором» Достоевский не получал. Свидетельство от 31 декабря 1872 г. было выдано ему в удостоверение права его «издавать в С.-Петербурге, без предварительной цензуры, журнал, под названием „Гражданин“, по утвержденной программе». ²

В отношении Главного управления по делам печати от 20 декабря 1872 г. Петербургскому цензурному комитету вменялось «к надлежащему сведению», что «собственник журнала» Мещерский, и «издатель-редактор онаго» Градовский, и «отставной подпоручик Федор Достоевский» заявили «о переходе права издания означенного журнала от Градовского к Достоевскому, который вместе с сим утвержден г. министром внутренних дел и в звании редактора сего журнала». ³ Не ходатайство Мещерского, а совместное прошение трех названных и заинтересованных лиц о переходе права издания «Гражданина» к Достоевскому, который «вместе с сим» утвержден в звании редактора.

Отказ III Отделения относительно ответственности за деятельность Достоевского как редактора совсем не связан с тем, что он

¹ ЦИИ, ф. 776, оп. 5, 1871, № 95, ч. 1, л. 65.

² Там же, л. 73.

³ Там же, л. 69.